

Кононенко Владимир Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального
права и криминалистики имени Н. Радутной
Российского государственного университета
правосудия

**ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ
И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ
ПО СУДЕБНЫМ УСТАВАМ 1864 Г.**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению вопроса о применении толкования в процессе практической реализации норм уголовно-процессуального права. Автор обращается к опыту толкования права по Судебным уставам 1864 г. и современного правоприменения в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова:

толкование, правоприменение, уголовное судопроизводство, судостроительство, норма права, правила толкования, Судебные уставы.

Kononenko Vladimir Ivanovich

PhD in Law,
Assistant Professor,
Head of Criminal Procedure Law
and Criminal Science Department,
Russian State University of Justice

**THE FEATURES OF INTERPRETATION
AND APPLICATION OF THE CRIMINAL
PROCEDURE LAW IN THE CRIMINAL
JUSTICE ACCORDING TO THE JUDICIAL
STATUTES OF RUSSIA OF 1864**

Summary:

The article considers the application of the interpretation in the practical implementation of the rules of criminal procedure law. The author refers to the experience of interpretation of the law according to the Judicial Statutes of 1864 and the modern law enforcement in criminal proceedings.

Keywords:

interpretation, law enforcement, criminal justice, judiciary, rule of law, rules of interpretation, Judicial Statutes.

Отмечая 150-летие принятия Уставов 20 ноября 1864 г., следует иметь в виду, что это не столько юбилей Уставов, сколько юбилей становления современного суда. Провозглашая начало независимости судебной власти, законодатель определил ее пределы, это выразилось прежде всего в толковании и применении норм процессуального права (ст. 12–13 УСС), что было достижением теоретической мысли, поскольку новый суд не мог действовать в рамках парадигмы XVIII в., запрещающей суду толковать законы, а предписывающей применять их в соответствии с буквой закона. Эти идеи были высказаны Ч. Беккариа в известной работе «О преступлениях и наказаниях» (написана в Италии в 1764 г.), который считал, что толковать закон может только Государь, так как он является выразителем общей воли, а судья обязан применить закон в соответствии с буквой закона. Ибо каждый смотрит со своей точки зрения, в одно время – с одной, а в другое – с другой. При таких условиях разум (дух) законов был бы следствием правильного или неправильного рассуждения судьи, разум закона зависел бы от силы страстей судьи, от всех мелких сил, изменяющих образы предметов в колеблющейся душе человека [1, с. 18–19].

Как известно, Екатерина II интересовалась идеями просветителей своей эпохи, и взгляды Беккариа о толковании законов нашли отражение в ст. 65 Основных законов Российской империи: «Все без изъятия места, не исключая высших правительств, во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не переменяя в них без доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская обманичества, непостоянства, самопроизвольного толкования» [2, с. 21].

Такой подход в правоприменении связан с правопониманием, когда единственным источником права считался закон (позитивистское понимание права). В университетах на юридических факультетах читались лекции по законоведению, и только после университетской реформы в 1863 г. на юридических факультетах вместо законоведения стали читать курс правоведения.

Осуществляя судебную власть, суды призваны применять законы к сложным жизненным ситуациям. И в этом смысле деятельность суда нельзя рассматривать как пассивную, аморфную, чисто механическую, как действие по подведению законов к конкретному случаю. Всякий жизненный случай в судебной практике многогранен, не все ситуации охватываются законом ввиду его неполноты, поскольку закон статичен, а правоотношения динамичны, поэтому, обращаясь к закону и не толкая его, не всегда возможно принять решение в точном соответствии с волей законодателя.

И.Я. Фойницкий отмечал, что основа толкования лежит не в неясности или неточности закона, а в необходимости его применения. Лишить суд права толкования значило бы лишить его

возможности применения закона [3, с. 162]. Как ранее отмечалось, в Уставе уголовного судопроизводства были сформулированы правила толкования. Так, ст. 12 Устава уголовного судопроизводства предписывала, что «все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности и противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов», тем самым на законодательном уровне было закреплено право суда на толкованием норм процессуального права, в чем также нашло подтверждение независимости судебной власти от законодательной власти. Если ранее применение норм права контролировалось законодательной властью, то в новых условиях эти обязанности были переданы судебной власти.

Обращаясь к закону, правоприменитель обязан был убедиться в наличии необходимой нормы, а также решить вопрос, подпадает ли под действие этой нормы рассматриваемый в суде случай.

Право суда на толкование норм послужило поводом для утверждения о том, что судебное толкование есть не что иное, как юридический источник, как право юристов.

В связи с этим М.В. Духовский писал следующее: «Приняв закон как руководящую норму, мы не можем игнорировать как источник право юристов, выражающееся, между прочим, в судебном толковании закона» [4, с. 14]. Иной точки зрения придерживался И.Я. Фойницкий. Он утверждал, что как законодательная и исполнительная власть не вправе принимать к своему разрешению вопросы, подлежащие судебному рассмотрению, так и власть судебная не вправе создавать новых норм [5, с. 163]. Признавая право юристов, следует отличать его от парламентского права. Это отличие состоит в том, что судебное право не должно содержать нормативной новизны.

Следует обратить внимание на тот факт, что, в соответствии с требованием УУС (ст. 13), все судебные места обязаны были принимать по поступившему уголовному делу решение по существу, не отзывая его под предлогом неясности, неполноты, противоречивости применяемого закона, а применять закон в соответствии с его разумом и общим смыслом.

Далее ст. 13 УУС содержала следующее: «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти». Это правило признавалось общеобязательным, и отступление от него рассматривалось как отказ в правосудии.

Запрет приостанавливать решение дела под предлогом неясности, неполноты, противоречивости распространялся на все суды империи. Все судебные места по силе толкования норм права имели равные права, и их окончательные решения имели равную силу, отличались они лишь по уровню компетенции.

Толкование Сената как высшего суда империи было обязательным для рассмотренного им дела, для других имело значение нравственного авторитета, а не силы закона. Такого взгляда придерживались И.Я. Фойницкий, М.В. Духовский. Иным взглядом обладала сенатская практика. Исходя из требований ст. 930 и 933 УУС, указания высшего суда были обязательными для нижестоящих судов. Все решения и определения кассационного департамента, которыми разъяснялся точный смысл законов, публиковались для их единообразного толкования и применения закона. На суды возлагалась обязанность следить за решениями Кассационного суда, опубликованными для всеобщего сведения, в которых разъясняется точный смысл законов.

Обязательность толкований Кассационного суда для нижестоящих судов вытекала из содержания ст. 249 УУС 250 Учреждения Судебных Установлений, в соответствии с которыми право высшего надзора за всеми судами в Российской империи принадлежало Сенату, вместе с тем допускалось отступление, однако оно должно было быть мотивированным.

И.Я. Фойницкий говорит о различии при толковании законов по «точному разуму» и по «общему смыслу», оно, по его мнению, состоит в следующем: «По общеупотребляемому значению “точный разум закона” есть понятие родовое, а “общий смысл” его – понятие видовое. Точный разум закона может быть раскрыт или из его буквального изложения, или из сравнения его с другими частями законодательства, выяснения задач, ими преследованных, а также изменений, им проведенных в системе целого. Следовательно, грамматически, в праве толкования закона по точному разуму заключается и право толкования по общему смыслу законов» [6, с. 172]. Далее И.Я. Фойницкий уточняет это различие и формулирует следующее: «Черты различия между толкованием по точному разуму и по общему смыслу состоят в том, что первое имеет дело с законом, сомнение не допускается, а второе встречается с сомнением относительно действительного значения и объема содержащихся в законодательстве прав» [7, с. 177].

Возлагая на суды обязанность толковать закон по точному разуму или по общему смыслу, вместе с тем запрещалось при толковании законов, в случае обнаружения в нем недостатков, толковать его в смысле, не соответствующем определенному словесному значению при его изложении, поскольку мысль законодателя в законах выражается в словах и словосочетаниях.

Также не допускалось толкование законов, если оно вело к противоречию или несогласованности с системой законодательства.

Не допускалось расширительного толкования законов, если такое толкование ограничивало чьи-либо права в ходе производства по уголовному делу. Говоря о теории толкования, следует заметить, что она была детально разработана общей теорией права и изложена в трудах известных русских теоретиков права – Г.Ф. Шершеневича и Н.М. Коркунова.

Учитывая, что рамки статьи не позволяют охватить весь аспект теории толкования, представляем необходимым обратить внимание лишь на некоторые моменты общей теории толкования.

Проблеме толкования, по замечанию Регельсберга, всегда уделялось недостаточно внимания. Теория толкования, как он отмечает, значительно отстает от практики, знание – от умения, нигде, как в учении о толковании. В этом случае толкование разделяет судьбу человеческой речи: многие люди говорят правильно, не имея знаний о законе языка. В целях исправления положения в свое время формировалось отдельное учение – юридическая герменевтика [8, с. 26].

Наука о толковании норм права является частью отрасли филологии – герменевтики, которая занимается разработкой теории понимания и письменной речи. Юридическая герменевтика, как, скажем, и богословская герменевтика, является частью общей или филологической герменевтики.

К сожалению, в XIX в. разработка теории юридической герменевтики была прекращена, что привело к утрате дальнейшего совершенствования техники толкования норм права. Однако оставшееся наследие облегчает труд по уяснению смысла нормы, ускоряет достижение цели [9, с. 296–297].

Говоря о современности, следует отметить, что проблема толкования норм уголовно-процессуального права остается актуальной и для сегодняшнего дня, в условиях действия различных форм юридических источников уголовно-процессуального права в качестве действующего уголовно-процессуального кодекса. В связи с чем правоприменителю сложно применять право в соответствии с волей законодателя. Считаем, что юридическая герменевтика требует своего дальнейшего развития. Частью юридической герменевтики является уголовно-процессуальная герменевтика, под которой мы понимаем искусство раскрытия истинного смысла и содержания уголовно-процессуального закона и других источников уголовно-процессуального права.

В дореволюционной научной юридической литературе в толковании выделяли два основных элемента: общий и специфически юридический [10, с. 411].

Общий элемент включал в себя грамматические и логические правила толкования. Каждый закон выражает мысль законодателя в словах, а мысли и слова при их изложении подчиняются правилам логики. Иногда законодатель употребляет неудачные слова, словосочетания, нарушает правила логики. Предполагается, что законодатель действует разумно.

Установив, что законодатель допустил грамматические или логические ошибки, а их толкование ведет к правовому абсурду, как в предыдущую эпоху, так и в настоящее время, мы не можем при осуществлении правосудия принять за основу такой результат толкования. Например, в современном УПК РФ в ч. 1 ст. 314 сталкиваемся с таким словосочетанием: ...обвиняемый ходатайствует о рассмотрении уголовного дела «без судебного разбирательства». Возникает вопрос: как можно рассмотреть уголовное дело вне процессуальной формы осуществления правосудия (п. 50–51 ст. 5 УПК РФ)?

С алогизмом мы встречаемся при толковании ч. 3 ст. 7 УПК РФ, где нарушено правило логики. Нарушив правила условно-утвердительного суждения, законодатель нарушение всех норм УПК РФ свел к доказательственному праву.

Исторически последовательно сменяющиеся и одновременно существующие нормы права дают нам возможность оценить новое правовое явление в сравнении с аналогичным правовым явлением предыдущей эпохи. Например, институт сокращенного производства в суде в случае признания подсудимым своей вины по УПК РФ (ст. 314 ч. 1) и такой же институт по Уставу 1864 г. (ст. 681 УУС), где сокращается судебное следствие, а по УПК РФ уголовное дело рассматривается без судебного разбирательства.

Под систематическим толкованием понимается выяснение смысла нормы во взаимосвязи с другими нормами, поскольку из анализа только одной нормы мы можем уяснить лишь часть мысли законодателя.

Толкование предполагает наличие закона, подлежащего применению.

Совсем иное значение имеет аналогия. Она существует тогда, когда для рассматриваемого случая не имеется закона и возникает необходимость применения другого закона, но схожего с этим. И совершенно обоснованно пробелы процессуального законодательства восполняются на основании процессуальной аналогии. Уголовное судопроизводство России допускало аналогию при производстве по уголовным делам.

Ссылки:

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. С. Зарудный. СПб., 1879.
2. Там же.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 7.
4. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905.
5. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996 ; О толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. Т. 1.
7. Там же.
8. Васьяковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. Т. 1.
9. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1995. Т. 2.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004.

References:

1. Beccaria, C 1879, *On Crimes and Punishments*, St. Petersburg.
2. Beccaria, C 1879, *On Crimes and Punishments*, St. Petersburg.
3. Foinitsky, IY 1996, *The course of criminal proceedings*, St. Petersburg, vol. 7.
4. Dukhovskiy, MV 1905, *Russian criminal trial*, Moscow.
5. *The course of criminal proceedings* 1996, St. Petersburg, vol. 1.
6. Foinitsky, IY 1996, *The course of criminal proceedings*, St. Petersburg; *On the interpretation and application of civil laws* 1901, Odessa, vol. 1.
7. Foinitsky, IY 1996, *The course of criminal proceedings*, St. Petersburg; *On the interpretation and application of civil laws* 1901, Odessa, vol. 1.
8. Vaskovsky, EV 1901, *The doctrine of interpretation and application of civil laws*, Odessa, vol. 1.
9. Shershenevich, GF 1995, *General Theory of Law*, Moscow, vol. 2.
10. Korkunov, NM 2004, *Lectures on the general theory of law*, St. Petersburg.